

Сергей ЗАЛЫГИН: Возвращение

Впервые я побывал в Китае в 1956 году, второй раз — в 1962-м. Так что сегодняшние впечатления есть с чем сравнивать. Думаю, что теперь наконец-то найдена разумная середина в связях наших государств и народов. В 50-х в этих связях присутствовала эйфория, которая, естественно, не могла долго продолжаться. На смену ей пришла другая крайность — полное отрицание. Отрицание какой-либо возможности взаимных контактов. Только конфликты, только вражда.

Но вот сейчас настало иное время, время реалистических отношений между нашими странами, которые, имея совместную границу, растянувшуюся на многие тысячи километров, попросту не могут существовать, враждуя друг с другом. Надо было искать реалистические компромиссы, искать истину и, как мы видим, они все-таки нашлись.

Визит М. С. Горбачева установил новый тип отношений с Китаем. Теперь их нужно укреплять и развивать.

За те двадцать семь лет, что прошли с момента моего последнего посещения страны, там произошли весьма существенные перемены. Правда, мы побывали лишь в столице, по которой и сужу о новациях. Пекин стал и становится красивым, современным городом, утопающим в зелени. Новые здания не только соответствуют всем требованиям городской архитектуры конца XX столетия, но и несут в себе неповторимый колорит национальных традиций.

Я встречался со многими людьми, которых знал прежде. Отрадно было видеть то подлинное дружелюбие, которое испытывали друг к другу гости и хозяева. Да, мы смогли сохранить, пронести его. И не сумели помешать этому доброжелательству ни китайская «культурная революция», ни наши годы застоя.

Думаю, что у нас существуют огромные возможности культурных связей с КНР. В свое время я довольно много занимался китайской литературой, писал о некоторых писателях, в том числе и о Лу Сине. Есть у меня статьи о традиционной китайской

Сов. культура. - 1989 - 23 мая - С. 2

Во время официального визита М. С. Горбачева в КНР там находилась группа представителей многонациональной советской культуры. Наши корреспонденты попросили некоторых из них поделиться своими впечатлениями.

опере. Ныне мы вступаем в такой период, когда вновь пробуждается взаимный интерес в области наших литератур и культуры в целом. Это касается прозы и поэзии, литературоведения и исторических исследований.

Визит советского руководителя в КНР имеет огромное значение для всей планеты хотя бы уже потому, что каждый четвертый-пятый житель земли — китаец. Прибавьте к этому многомиллионный советский народ... Разумеется, продолжают сохраняться различия в наших навыках, традициях, истории. Больше всего они отражаются именно в культуре — в ее самобытности, в фольклоре, в понимании изящных искусств. Но эти различия лишь обогащают нас, ибо каждый народ, пусть самый небольшой, вносит свою лепту в общую сокровищницу мировой культуры. И чем больше будут развиваться отношения между народами, тем ощутимее, весомее становятся эти вклады.

Я думаю, что нормализация отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой является очень серьезным шагом в деле установления подлинно добрососедских отношений со всем азиатским регионом. Эта встреча вызвала огромный резонанс особенно в соседних с Китаем странах.

Но вернусь к своим личным впечатлениям. Многие национальные черты китайского характера импонируют мне. Это в первую очередь трудолюбие и сплоченность. Однако сплоченность — это не есть некая однозначность, примитивность. Нет, речь о подлинном, высоком единоверии, которое так особенно необходимо в экстремальных ситуациях.

Сегодня особенно остро проявляется новая черта китаев — любознательность. И не случайно. Ведь тысячелетиями Китай жил обособленно. Но вот настало время его активного включения в мировой прогресс. И эти новые тенденции в жизни древней страны отражаются и на внешнем облике ее граждан. Пекинцев не узнать: это европейски одетые, общи-

тельные люди. Сегодняшние китайцы жадно познают мир, стирающийся далеко за границы их собственной родины. И этому не мешают их собственные проблемы (среда которых едва ли не на первом месте — демографический вопрос). Китай жадно впитывает европейскую цивилизацию. Это позитивный процесс, который, без сомнения, найдет отражение и в отношениях с нашей страной.

Леонид

ФИЛАТОВ:

Я был свидетелем удивительных дней

То, что я видел в Китае, было трогательно, прекрасно и заставляло хоть на время, но забыть о свойственном нам в последние годы строго критическом отношении к себе. Наши нерешенные проблемы оставались, разумеется, при нас, как оставались при гостеприимных хозяевах их сложности, но приязнь со стороны народа была так ощутима и, главное, так искренна, что не поддаться ей и не гордиться ею было просто-напросто невозможно.

Всегда поймешь — радуется тебе от души или по приказу. Я никогда не видел и, наверное, не увижу, такого множества людей, выпешших на улицы разом. Можно было ехать и ехать — и всюду аплодисменты, улыбающиеся лица, приветственные возгласы, обращенные к советской делегации и, конечно, к ее главе. «Горбачев! Хорошо!» Сколько раз мы слышали эти слова и думали о том, как хорошо, что годы отчуждения не сумели, к счастью, отнять у нас симпатии китайского народа.

Я увидел великую страну. Это чувствуешь сразу, хотя объяснить то, чем это чувство вызвано, я не берусь. Скажу одно: можно много читать о Китае, относиться с

почтением к его древнейшей цивилизации, любить его поэзию, но, только воочию увидев, ощутить, что он представляет в реальности.

Впечатлений, потрясений было множество. И хотя читан Киплинг, его «Запад есть Запад, Восток есть Восток» — строчка эта в Китае в голову не пришла ни разу. И «виной» тому — общая атмосфера визита, дух взаимного уважения и равенства, сказывающийся во всем.

Впечатлений, потрясений было множество. И хотя читан Киплинг, его «Запад есть Запад, Восток есть Восток» — строчка эта в Китае в голову не пришла ни разу. И «виной» тому — общая атмосфера визита, дух взаимного уважения и равенства, сказывающийся во всем. На пресс-конференции с деятелями культуры и на других встречах обязательно спрашивали, как мы относимся к ситуации, сложившейся в Китае. Не знаю, что ответил бы я на аналогичный вопрос, заданный в аналогичных обстоятельствах, случись они семь-восемь лет назад. Теперь же мне было естественно сказать, что, прежде чем давать советы, как жить соседям, я хотел бы научиться действовать так, чтобы успешнее и энергичнее решались наши проблемы. Все, что связано с перестройкой.

Перестройка — еще одно популярнейшее и как бы магическое слово. С него начинались, им заканчивались многие разговоры. В числе понятий, которые неотъемлемы от перестройки, — ориентация нашей сегодняшней жизни и политики на духовность, столь близкую и необходимую людям.

Возможно, пожалуй, даже наверное этим вызван интерес к нашему искусству, в чем мы убедились с радостью и смущением, ибо знакомы с искусством современного Китая меньше. Наши писатели издают, их знают не только специалисты, но интеллигенция, студенты. Сергей Залыгин, Чингиз Айтматов, Валентин Распутин, несомненно, почувствовали это. Знают и наш кинематограф. И тоже больше, чем мы могли предполагать. «Москва слезам не верит» — фильм, который смотрел если не каждый первый, то каждый второй китаец из тех, кто вообще ходит в кино. Судя по разговорам, которые мы вели не только с коллегами, советские картины смотрят даже охотнее, нежели американские: «А зори здесь тихие», «Несколько интервью по личным вопросам», тот же «Экипаж» — хотя американцы уж никак не хуже, а лучше снимают пожары и катастрофы.

В частном отражается общее, в данном случае — интерес, который вызывает наша страна. Мне посчастливилось: я был свидетелем удивительных дней, дней, пробуждающих веру в будущее.